

АЛЕКСАНДР ВОЛКОВ

СЛЕД ЗА КОРМОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Александр Волков

След за кормой

«ФТМ»

1960

Волков А. М.

След за кормой / А. М. Волков — «ФТМ», 1960

В истории цивилизации огромную роль сыграло покорение человеком водных просторов – сначала рек, а потом морей и океанов. След за кормой... Когда впервые появился он на воде? Когда поплыла по речной глади лодка, направляемая рукой человека? Кто изобрел мачту и парус и, подчинив мощь ветра, понесся на легком суденышке? Остросюжетные повести, составляющие книгу, рассказывают об этапах в истории мореплавания, начиная с появления первой долбленной лодки, постройки палубного корабля и кончая парусными судами, которые могли лавировать против ветра и на которых норманны сумели совершить плавание через Атлантический океан.

© Волков А. М., 1960

© ФТМ, 1960

Содержание

Часть первая	6
Пленник духов Воды	6
Обратный путь	10
Постройка плота	14
Первая лодка	17
Часть вторая	20
Тон-кролы	20
Детство Бирка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

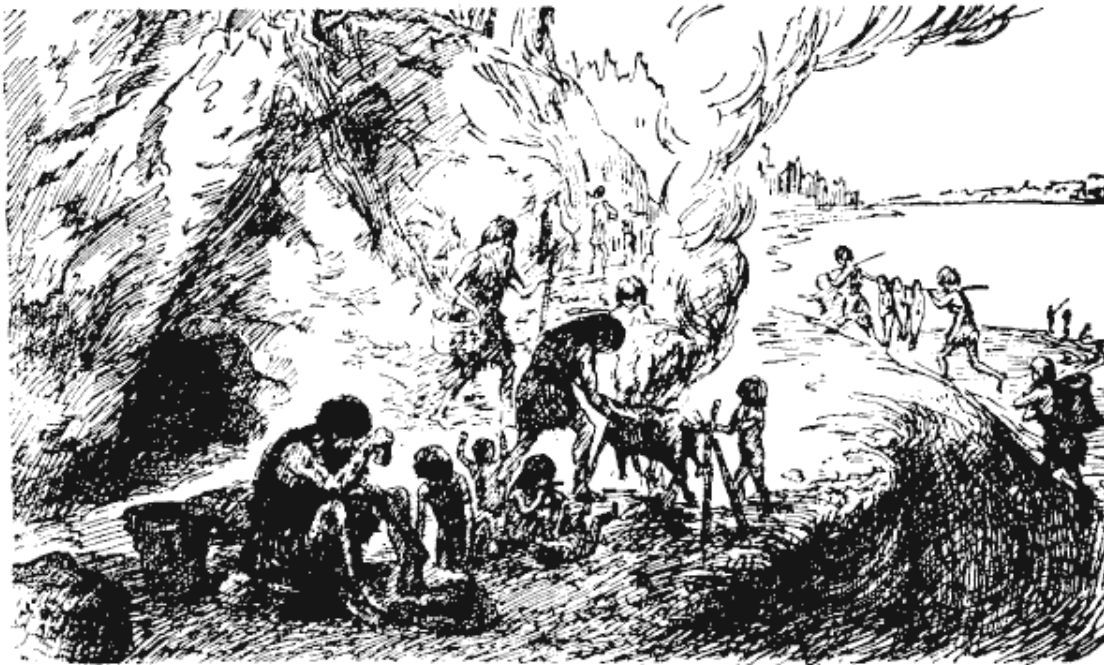
Александр Мелентьевич Волков

След за кормой

Часть первая

Пятнадцать тысяч лет назад

Пленник духов Воды

У-Нак вышел на рыбную ловлю рано утром.

У каждого из Людей Воды было излюбленное для охоты место.

Рыболовных участков хватало близ самого жилья: племя Людей Воды было немногочисленно, а река, широкая и глубокая, изобиловала рыбой. Ее называли О-Тал, а это означало: Большая река. И, если бы на берегах О-Тала поселилось еще десять, сто или тысяча таких племен, река прокормила бы всех. Но ни один Человек Воды не представлял себе, если бы на свете могло существовать такое множество людей.

Ближайшими соседями Людей Воды были Люди Гор, немногочисленное племя которых обитало в скалистых пещерах. До их поселения хороший ходок, выйдя на рассвете, мог дойти к вечеру следующего дня.

Старик Ба-Гу, проживший дольше всех Людей Воды, утверждал, что древние времена, когда еще мать его матери была маленькой, Люди Гор и Люди Воды составляли одно племя. Но пищи не стало хватать, орехов и ягод недоставало на всех едоков, охотники со своими копьями и луками все реже убивали кабанов, лосей и оленей, напуганные птицы покидали леса... И тогда, после долгих раздумий, половина племени оставила родной край и ушла на север, к О-Талу. Там, в глинистых откосах берега переселенцы вырыли несколько пещер. Племя росло, и пещеры год от году расширялись.

Река вначале пугала людей своей необозримой ширию, грохотом волн, разбивавшихся во время бурь о берега, ревом неведомых чудищ, высывавших из воды черные усатые морды.

Взрослые переселенцы до самой смерти не освободились от страха перед рекой. Но их дети и дети их детей привыкли к виду речных просторов, и хотя прятались по своим норам от осенних и зимних ураганов, но знали, что ураганы уйдут, не причинив вреда, если оставить им на берегу приношения: полусгнивших рыб или испорченные рыболовные принадлежности.

В ту отдаленную пору, о которой здесь идет рассказ, женщины в племени были главнее мужчин. Такой порядок назывался матриархатом. При матриархате мужчины племени бродили по горам и лесам, занимаясь охотой, а женщины вели все домашнее хозяйство, растили детей.

Когда Люди Воды поселились на берегу О-Тала, главным занятием мужчин по-прежнему была охота на крупную лесную дичь. Но большим подспорьем стала рыбная ловля. Рыболовством занимались и мужчины, и женщины, и подростки.

Лучше всего Людям Воды жилось летом, когда вокруг было много дичи и рыбы. Дичь подстерегали на водопоях, рыбу прокалывали копьями в прозрачной воде у берега. Для сна времени оставалось мало, зато напряженный труд вознаграждался богатой добычей.

У каждой пещеры валялись бы груды костей, кишок, полусгнивших звериных и рыбьих голов, если бы все не подчищали добровольные санитары – уже почти одомашненные собаки.

Дети в летнюю пору собирали в лесах грибы и ягоды, заготавливали дрова.

Приближалась зима. Кончался сбор грибов и ягод. Только горькая калина украшала красными гроздьями лишенные листы прозрачные перелески. Рыба уходила в глубокие ямы.

Когда река застывала, рыболовы пробивали каменными топорами лунки во льду и с надеждой вглядывались в темную воду. Но добыча попадалась очень редко.

Суровая жизнь приучила Людей Воды к выносливости: они могли обходиться без пищи по нескольку суток кряду. Зато, если охотникам удавалось загнать и убить оленя, быка или лося, каждый член племени поедал невероятное количество мяса, как говорится, про запас.

В голодное зимнее время плохо пришлось бы собакам, если бы они продолжали держаться близ жилья. Но, наученные инстинктом, они скрывались на зиму в лесах и появлялись, когда им уже не грозила опасность быть съеденными.

Весной, когда стаивал снег, люди выкапывали съедобные корни, ели улиток, бродили по болотам в поисках утиных и гусиных яиц и с тоской смотрели на бешено ревущий, желтый О-Тал, дожидаясь, когда вода войдет в берега и очистится от песка и ила.

Не надо, впрочем, представлять себе жизнь Людей Воды беспросветно мрачной. Их потребности были гораздо меньше, чем наши, и малейшая удача, малейший успех делали человека счастливым.

Люди Воды быстро забывали печаль, легко переходили от горя к радости.

Люди Воды любили украшения. Они радовались, как дети, находя красивые раковины. Они втыкали в волосы разноцветные птичьи перья и отполированные рыбьи кости... И эти невинные забавы приносили им много счастья. В тяжелой борьбе за существование изощрялся ум древних людей, развивались способности, становились более совершенными приемы труда.

Но пора вернуться к У-Наку, который давно всматривался в воду, поджидая добычу. Рыболовы тех отдаленных времен уже знали удочку; но при охоте на крупную рыбу главным орудием служило им копьё с заостренным кремневым наконечником.

Для рыбалки У-Нак выбрал хорошее местечко. Весенние воды приносили с верховьев реки неисчислимое количество древесных стволов; большинство их проплывало мимо, но некоторые задерживались у берегов.

Водоворот повернул громадное дерево так, что корнями оно оказалось в заливчике, берега которого густо обросли кустарником. Корни плавучего ствола прочно переплелись и сцепились с береговыми кустами, и течение уже не могло унести дерево; оно лежало на воде подобь лодочному причалу.

Из всех рыболовов селения У-Нак первым обратил внимание на выдававшийся в реку ствол. Ведь крупная рыба держится не у берега, подальше от него.

С некоторым страхом У-Нак ступил на мокрый шероховатый ствол хватаясь рукой за ветки. В другой его руке было копьё.

Когда У-Нак взглянул на воду, несущуюся под ним, когда почувствовал, как вздрагивает и зыблется на воде дерево, страх его намного возрос. Голова юноши закружилась, ему почудилось, что река тянет его к себе, и он с криком ужаса закрыл глаза.

Но время шло, а он, У-Нак, еще был жив! О-Тал не схватил его... Да полно, может ли он, в самом деле, стащить его, У-Нака, одного из первых удалцов селения?

У-Нак приоткрыл один глаз, потом другой: все по-прежнему! Так же струится под ногами река и дрожит дерево, а он, У-Нак, смельчак молодец, не боящийся реки, стоит, сжимая толстую ветвь сильной рукой.

Нам, отдаленным потомкам первобытных людей, У-Нак, быть может показался бы не очень красивым: невысокий лоб; спутанная шапка грубых темно-рыжих волос, больше похожая на звериную гриву; курчавая рыжеватая шерсть, сплошь покрывающая руки и ноги; подвижные волосатые уши; чересчур длинные на наш взгляд руки и короткие мускулистые ноги с сильными, цепкими пальцами.

Но, хотя У-Нак был невысок и сутуловат, голова его смело откидывалась назад, живые зоркие глаза под густыми бровями горели умом и жадной познания. Нет, конечно, для своего времени У-Нак был очень красив, и немало девушек заглядывались на него.

Пытливый ум человека заставил У-Нака сделать еще шаг по стволу, потом другой...

Ничего страшного не произошло: О-Тал, по-видимому, благосклонно относился к смелому предприятию У-Нака. И тогда взор юноши привлекла смутная тень, мелькнувшая в глубине реки. Меткий удар – и на конце копья забился большой осетр.

У-Нак пришел в восторг: такую крупную добычу не часто достанешь с берега.

У-Нак вернулся в свою пещеру с хорошим уловом. Сколько рыб он принес, не мог сосчитать ни один мудрец селения: там была кучка в две рыбы, и еще кучка в две рыбы, и еще, и еще... Люди Воды, как и Люди Гор, умели считать только до двух.

Улов У-Нака очень пригодился, потому что остальным рыболовам в этот день не повезло.

Однако в последующие дни никто не решался рыбачить с найденного У-Наком местечка, даже если оно и оставалось свободным, когда юноша уходил на охоту. Только мальчишки, холодея от ужаса, осмеливались становиться на ствол и делать по нему два-три шага...

У-Нак же совсем освободился от суеверного страха перед рекой. В поисках более крупной добычи он пробрался в самую крону дерева, где расчистил среди ветвей удобное для ловли рыбы место.

Выше ствола образовался островок из наносов. Далеко выдавшийся в воду ствол задерживал плывущие по реке ветки, куски коры, плети водорослей. А под такими наносными островками, как известно, любит держаться рыба. Скоро узнал об этом и У-Нак.

В погоне за упавшим с дерева жуком или гусеницей крупные рыбы выскакивали из-под укрытия и становились добычей меткого копья человека.

В день, когда начинается наш рассказ, У-Наку особенно повезло: он перебросал на берег много больших рыбин. Их подхватывал и складывал в кучу его младший братишка У-Фах.

У-Нак в безудержном восхищении так быстро бегал взад и вперед по стволу, кидая на берег добычу и возвращаясь к излюбленному месту, что незаметно раскачал дерево, и оно освободилось из продолжительного плена.

Еще несколько скачков по стволу – и вдруг с берега донесся дикий вопль: У-Фах заметил, что между корнями плавучего дерева и сушей образовался просвет, в котором блестела вода. У-Нак не сразу понял, что случилось: он долго боролся с огромным лососем, которого подцепил на копье. А когда, наконец, справился с сильной рыбиной и побежал к У-Фаху, то увидел между стволом и берегом такое пространство чистой воды, через которое не перескочить было даже ему – У-Наку, искусному прыгуну.

У-Нака охватил ужас: О-Тал, наконец, поймал его!

За сотню лет, в продолжение которых жили у реки Люди Воды, они еще не научились плавать. Они видели, как переплывают реку лось или бык, преследуемые медведем, но им не приходило в голову, что может держаться на воде и даже плыть человек. Случаи, когда дети или взрослые падали в реку, всегда кончались трагически: страх мгновенно отнимал у тонущего силы, и он камнем шел ко дну.

У-Фах кричал все пронзительнее. Из пещер выскочили люди. То, что они увидели, заставило их оцепенеть от ужаса. Огромный ствол, удаляясь от берега, быстро плыл мимо селения. На стволе стоял У-Нак с копьем в руке, а на копье еще трепыхалась его последняя добыча.

У-Нак не кричал и не плакал: мужчине подобало встречать гибель в гордом молчании. Но с берега доносились плач и вой женщин, и юноша особенно хорошо различал среди всех голосов голос матери.

Не отрывая покрасневших глаз от родных и друзей, У-Нак скрылся за поворотом реки. Течение было таким стремительным, что быстроногие подростки (первым среди них мчался У-Фах) скоро потеряли из виду дерево и маленькую фигурку державшегося на нем У-Нака.

Долго не расходились в тот день Люди Воды, точно ожидая, что совершится чудо и О-Тал вернет отважного рыболова... Две женщины, держась за руки – статная, высокая Фу-А, мать У-Нака, и юная сестра его Нга, – оставались на берегу до поздней ночи. И, лишь когда уже ничего нельзя было разглядеть на темной поверхности реки, они разжали руки и медленно побрели к своей пещере.

Обратный путь

Чудо не совершилось. Река не принесла У-Нака, и все же он вернулся. Он пришел по берегу, усталый и измученный, с ногами избитыми и кровоточащими от долгих переходов, но дух его не был сломлен необычайным приключением. И голова юноши по-прежнему гордо откидывалась назад: ведь он не поддался коварной реке, сумел победить ее и вырвался из водяного плена.

Долго было бы рассказывать подробно обо всем, что случилось с У-Наком за время путешествия.

У-Нака спасло мужество. Когда юноша понял, что О-Тал перехитрил его, он решил бороться до конца. Ужас не ослабил его мускулов, он цепко держался на плывущем дереве, и, когда течение вращало ствол, У-Нак всегда успевал очутиться на верхней, надводной части. Лосося с копья У-Нак снял и насадил на острый сухой сук. Правда, он в то время не думал о будущем: просто освободил оружие для последней битвы с О-Талом.

Но солнце близилось к закату, а хитрый враг все еще не пытался напасть. «Бой будет ночью», – решил У-Нак и почувствовал острый приступ голода: он ничего не ел с утра. Как пришла к стати его добыча!

Люди Воды уже отвыкли питаться сырой рыбой, но выбирать не приходилось, и У-Нак, съев добрую половину рыбины, почувствовал, что силы его восстановились...

Ночь прошла, как долгий кошмар. В плеске волн, рассекаемых плывущим стволом, в шуме прибрежных лесов, в заунывных криках ночных птиц юноше чудились враждебные голоса, предвестники близкой опасности. По временам У-Нака клонило ко сну, но он сознавал, что спать нельзя, что при первом повороте дерева он очутится в воде, и тогда О-Тал убьет его.

Рассвет ободрил юношу: река еще не овладела им, У-Наком! Он доел остатки лосося и приготовился к новым испытаниям.

За второй день плавания У-Нак миновал два людских поселения: должно быть, по суше путь к ним был слишком долог, так как Люди Воды, странствуя по берегу, никогда не доходили даже до ближайшего поселения. Люди, стоявшие по берегам с копьями, должно быть тоже рыболовы, встречали У-Нака измученными возгласами.

Очевидно, эти племена шли от общего с Людьми Воды корня, но разделились очень давно. У-Нак понимал их речь, однако были в ней и незнакомые ему слова.

Предания говорили о том, что горное племя разделялось уже не раз. Выгоняемые голодом и теснотой, наиболее сильные и смелые мужчины и женщины уходили в дальние края на поиски лучшей доли: они-то и спустились вниз по О-Талу.

Подходил второй вечер плавания. У-Нак со страхом думал, как он перенесет еще одну ночь без сна. Но река, которая все время текла прямо, вдруг круто повернула налево. Течение било в правый берег, и У-Нак обезумел от радости: перед ним вырастала лесистая береговая круча. А тут к стати в спину У-Наку подул ветер и еще сильнее погнал дерево.

Но какое разочарование! Когда до земли было уже недалеко и У-Нак приготовился к прыжку, ствол остановился и течение начало заворачивать его обратно. Рассвирепевший У-Нак яростно ударил копьем в широкую спину О-Тала, который, очевидно, пытался задержать ствол древко коснулось дна. Толчок немного приблизил дерево к суше. У-Нак снова и снова изо всех сил упирался копьем, как шестом, в дно реки и с восторгом видел, как послушный ствол подплывает к берегу. Когда до берега оставалось три-четыре шага, У-Нак прыгнул и очутился на суше.

Освобожденное дерево, покружившись в водовороте, словно приглашая У-Нака продолжить путешествие, медленно отплыло и исчезло, в вечернем сумраке. Юноша забился в чащу береговых кустарников истомленный, крепко проспал до позднего утра.

На завтрак он добыл крупного окуня и, не мешкая, пустился обратный путь.

Нелегко было пробираться по лесной чащобе, по высоким травам, где никогда не ступала нога человека. Часто попадались звериные тропы, но они уводили от реки, а У-Нак боялся заблудиться. И он упорно шел и шел вперед, поднимаясь на холмы, спускаясь в долины, продираясь сквозь заросли и заботясь только о том, чтобы с правой сторон до него доносился неумолчный речной шум.

Хуже всего приходилось путнику, когда встречались притоки О-Тала. Небольшие речки У-Нак переходил, опираясь на древко копья. Если же они оказывались глубоки, У-Нак возвращался и искал брод помельче.

Но встретился ему приток, перебраться через который оказалось не возможно. И тогда на помощь У-Наку пришел опыт, а опыту помогло то, что у берега плавало дерево, хотя и не такое большое, как то, которое унесло юношу, но способное выдержать его вес.

У-Нак перебрался на ствол и долго думал: ум первобытного человека не был таким гибким, как наш. И все же юноша нашел правильное решение: он уперся древком копья в дно реки, и ствол медленно тронулся в путь по воле человека. Это было первое управляемое судно!

Плыло оно, на наш взгляд, возмутительно медленно, путь его бы; чрезвычайно извилистым, часто У-Нак ударял копьем по дну реки не так как следовало, и все же противоположный берег приближался.

На середине русла У-Нак попал в ловушку: шест не достал дна. Не юноша не растерялся: он стал гневно бить копьем коварную реку; и получилось нечто вроде гребли. Ствол продолжал потихоньку плыть к другому берегу.

Многому научила смышленного У-Нака первая переправа.

На пути домой У-Нак останавливался в селениях, мимо которых проплывал вниз. Их жители были добродушны и гостеприимны. Они кормили У-Нака, уговаривали остаться у них на житье, но не сердились за отказ: они понимали, что путника ждет родное племя. Быт людей нижних поселений оказался почти таким же, как у родичей У-Нака: те же каменные топоры и ножи, те же луки и копья, только наконечники копий люди нижних селений делали не из кремня, а из острых костей больших рыб. У-Нак убедился, что такие наконечники лучше поражают добычу, и сам научился их делать.

И вот настал счастливый день, когда У-Нак предстал перед изумленными и восхищенными соплеменниками.

Постройка плота

Прошло немало лет после путешествия У-Нака. Его волосы уже начали серебриться на висках, когда, наконец, созрели мысли, которые долго в тайне от всех вынашивал У-Нак.

Летним утром У-Нак в сопровождении нескольких подростков появился на берегу речного залива. Заработали каменные топоры, и на воду были спущены стволы поваленных бурей деревьев, очищенные от ветвей.

У-Нак начал первый урок плавания на деревьях. Стоя на стволе и держась за кору цепкими пальцами ног, он плыл вдоль берега, упираясь шестом в тинистое дно. Неожиданно ствол покачнулся, и У-Нак рухнул в воду, подняв сноп брызг.

Мальчишки, наблюдавшие за действиями наставника с почтительным и суеверным любопытством, заорали от страха: им показалось, что О-Тал наказал гибелью нарушителя его покоя. Но вскоре вынырнула облепленная тиной голова У-Нака, он стоял на дне залива смеялся.

Еще несколько забавных падений У-Нака в воду, и ребят стала манить веселая игра с рекой, которая уже казалась не такой страшной.

– Теперь я, – сказал смелый У-Гок, сын сестры У-Нака, и взобрался на ствол.

Все же его сердце замирало от страха, и когда после первого толчка шестом он свалился с дерева, то неистово завопил. Но там, где он упал, было мелко. У-Гок даже не скрылся под водой и поднялся весь измазанный грязью.

После первой неудачи У-Гок догадался сесть на дерево верхом. Оказалось, что в таком положении пловец держится на стволе устойчивее.

В первые дни У-Нак не позволял мальчишкам уплыть далеко. Но когда они приучились крепко держаться на стволах, а упав, бесстрашно вскарабкивались обратно, запрет был снят.

Поведение мальчишек на воде всегда одинаково, живут ли они в наше время или жили пятнадцать тысяч лет назад. В заливе начались веселые битвы. Каждый старался угодить концом своего бревна в бревно товарища, чтобы сбить пловца в воду. Сколько было крика, шума смеха! Отважным бойцам много раз в день приходилось испытывать радость победы и горечь поражения.

Но вот однажды У-Гоку и его товарищу Гу-Фа пришла в голову мысль сразаться, против «неприятелей» вместе. Поставив бревна ряда и сцепившись свободными от шестов руками, они направляли на противников свой «корабль». Никому не удавалось сбить У-Гока и Гу-Фа, и никто не мог выдержать натиска двух соединенных бревен. Они устойчиво держались на воде.

Новая затея ребят не ускользнула от наблюдательного У-Нака. По обыкновению, он долго думал, а потом связал два бревна полосами гибкой коры. Теперь обе руки пловца были свободны.

* * *

Шли годы. Люди Воды совершенствовались в постройке плотов. Они уже скрепляли по нескольку бревен, привязывая их концы к толстым поперечинам. Такие плоты были очень устойчивы и поднимали по десять человек сразу.

В глубоких местах заливов, где шесты не доставали дна, пловцы научились грести. Люди заметили, что толстые шесты лучше загребают воду, но их тяжело держать, и стали обтесывать их нижние концы. Так появились весла.

Не думайте, что умение строить плоты и управлять ими развивалось быстро. Для этого потребовались многие годы и даже десятилетия.

Вначале плаванием на плотках по заливам и озерам забавлялись в знойные летние дни мальчишки. Потом плотками стали пользоваться рыболовы. На глубине они поражали копьями огромных рыб, каких никогда не удавалось добывать на мелководье. С плотов они стали закидывать сети. Плавая на плотках, легче было тянуть большие невода.

Противоположный, северный берег О-Тала манил людей из разросшегося поселения Людей Воды: там было нетронутое изобилие плодов, грибов и ягод, рыболовные и охотничьи угодья. Правда, по зимам люди ходили туда по льду, охотились, рвали калину, собирали сушняк. Но зимой пещеры не выкопаешь, а прожить до весны на открытом воздухе невозможно. Так и оставался тот берег незаселенным.

И только лет через сто после смерти У-Нака отважный На-О переплыл на плоту ширь О-Тала. А еще через поколение на другом берегу появились пещеры семей, покинувших поселение из-за тесноты. Легкие плотки, управляемые женщинами и подростками, постоянно шныряли по реке: оба берега поддерживали тесную дружбу.

Первая лодка

Прошло еще несколько десятилетий. Рассказ о необычайном путешествии У-Нака, первого человека, научившегося плавать на деревьях, передавался Людьми Воды из поколения в поколение. Они помнили, что, когда их предок, унесенный коварным О-Талом, спускался по реке, он видел поселения дружелюбно встречавших его людей, речь которых была ему понятна.

Через три поколения после На-О, когда Люди Воды вполне овладели искусством водить плоты, пятеро смелых юношей во главе с У-Багом захотели повторить путешествие своего предка. Они снарядили надежный плот из сухих бревен, запаслись веслами и шестами, погрузили оружие и продовольствие и ранним весенним утром тронулись в путь.

Уже в полдень они увидели первое поселение на берегу О-Тала. По рассказу о путешествии У-Нака, это должно было случиться гораздо позже, но раздумывать не приходилось.

Юноши дружно взмахнули веслами и прибились к берегу возле чужого поселка.

Толпа жителей сбежалась навстречу. Люди не удивились при виде плота, зато прибывшие были поражены, заметив в береговых заливчиках плотики, подобные тем, какие строились и у них в селении. «Значит, племя людей с Костяными Наконечниками Копий тоже умеют плавать на плотках?» – изумленно думали У-Баг и его товарищи.

Люди Воды узнали, что поселение это возникло две и еще две человеческих жизни назад. Его еще не было, когда тут проплывал У-Нак.

– Как вы научились плавать на плотках? – спросил У-Баг.

Люди с Костяными Наконечниками Копий не помнили, когда и как это случилось. Кто-то из их предков еще в старом поселении – на два пешеходных дня пути вниз по реке – построил первый плот и научил этому искусству других.

Быть может, строителя надоумило построить плот появление У-Нака на плывущем дереве, быть может, он додумался до всего самостоятельно, – кто знает! Одни и те же изобретения повторяются в разных местах: везде одинаково работает пытливая человеческая мысль, ведя людей вперед.

Люди с Костяными Наконечниками Копий подарили пришельцам хорошо выделанные тюленьи шкуры; Люди Воды боялись тюленей и не охотились за ними.

Через шесть дней У-Баг и его товарищи пешком вернулись в родное селение, обогащенные опытом своих соседей.

Хорошо плыть на плоту вниз по реке, но невозможно подниматься на нем против течения. Даже в наше время, когда существуют мощные буксиры, плоты сплавляются только вниз.

Реки стали хорошими, удобными водяными дорогами, когда человек изобрел лодку. Как же появилась первая лодка?

У разных народов это было по-разному, а у людей, живших на берегу О-Тала, это случилось так.

Около двух тысячелетий миновало со времени постройки первого плота. Люди Воды уже не жили в пещерах: они рыли землянки и покрывали их хворостом и травой. И землянки эти были гораздо удобнее пещер. Все новые и новые поселения возникали на берегах О-Тала.

Люди научились заготавливать пищу на зиму. Собачье мясо уже не ели. Наоборот, собакам стали перепадать отбросы, не годившиеся в пищу людям. Собаки привыкли проводить зиму близ жилья и окончательно одомашнились. Они хорошо сторожили поселок от хищных зверей, а вскоре начали ходить с людьми на охоту.

О путешествии У-Нака люди давным-давно забыли и думали даже, что не было такого времени, когда они боялись воды и не умели плавать на плотах.

В селении Красный Берег хромой Ра-Ту слыл неуживчивым, угрюмым человеком. В молодости ему пришлось схватиться с рысью, и она жестоко изуродовала правую ногу Ра-Ту. С тех пор он не мог принимать участия в охотах, так как передвигался с большим трудом. Зато он сделался одним из лучших рыболовов Красного Берега: руки его были сильны и глаз зорок.

Однажды жителей села постигло несчастье: их большой плот оторвало от берега и разметало бурей, бревна унесла река. Пришлось приняться за постройку нового плота.

Срубить толстое дерево каменными топорами было трудной задачей. Хромой Ра-Ту поступил иначе.

У самого села рос огромный дуплистый тополь. Он никому не был нужен, людям казалось, что такое испорченное дерево не годится для плота. А Ра-Ту решил все-таки использовать и этот тополь, тем более что буря выворотила его из земли и бросила у самой реки.

Много недель провел Ра-Ту около тополя, обрубая его с двух сторон – ниже и выше дупла.

Односельчане смеялись над хромым и старались доказать, что его труд пропадет напрасно. Упрямый Ра-Ту ничего не желал слушать.

И вот ствол был обрублен. «Что получится из этой затеи?» – гадали любопытные односельчане. Они помогли Ра-Ту спустить тополь на воду. Это оказалось легче, чем предполагали, так как сердцевина дерева выгнила, а верхний слой был легким и сухим.

Тополь свободно колыхался на воде, погрузившись в нее лишь самой нижней частью. Сидеть в дупле было удобно, и Ра-Ту не удержался от соблазна испытать дерево на глубине. Сев в один из концов дупла с веслом в руке, Ра-Ту оттолкнулся от берега, и первая лодка с неожиданной быстротой поплыла по реке.

Судьба Ра-Ту круто изменилась. Мудрейший человек селения стал пользоваться всеобщим почетом.

А по всему О-Талу началась охота за дуплистыми деревьями. Их находили в самых глухих местах, срубали и приволакивали к реке. Если дупло было невелико, его расширяли при помощи горящих углей. Потом стали выжигать лодки из цельных стволов.

Сообщение между соседними деревнями в весеннее и летнее время стало легким и удобным.

Часть вторая

Первый корабль

Тон-кролы

Прошел никем не считанный, никуда не записанный ряд веков.

Перенесемся мысленно за три с половиной тысячи лет до нашего времени и посмотрим, как жили тогда люди на берегах Большой реки.

Большая река, как и во времена У-Нака и хромого Ра-Ту, величаво несла полные воды меж берегов – высокого правого и низкого левого. Сама река почти не изменилась, но за прошедшие тысячелетия большие перемены произошли на ее берегах, теперь густо заселенных людьми. Темные, непроходимые леса отступили. Их место заняли поля, засеянные злаками. На прибрежных лугах паслись низкорослые коровы, бродил; лохматые козы. Охотник и рыболов становился земледельцем и скотоводом, но с трудом еще привыкал он к этим новым занятиям.

Правда, те времена, когда земледелец ковырял плотную, травянистую почву заостренным колом, чтобы подготовить ее к засеву, уже прошли.

Теперь землю пахали деревянной сохой, в которую впрягался бык. Но, как и раньше, нелегко было целое лето оберегать поле от птиц и грызунов, а осенью обрывать вручную колосок за колоском и размалывать зерна между двумя камнями, чтобы потом испечь грубые лепешки.

И все же существование людей стало более обеспеченным, чем в те отдаленные времена, когда пищей прибрежных жителей служили только плоды охоты и рыбной ловли, грибы, ягоды да вырытые из земли коренья. Люди не отказались от прежних промыслов, но неудачи в рыбной ловле и охоте уже не грозили человеку гибелью.

Другие заботы и тревоги омрачили жизнь человека.

Отошли в прошлое те времена, когда на берегах могучей реки царил равенство между Людьми Воды, когда орудия труда, шкуры и мясо добытых зверей, пойманная в реке рыба и собранные в лесу грибы и ягоды – все было общим, когда человек еще не знал слово «мое» и обо всем говорил «наше».

Людское общество уже разделилось на богатых и бедных. Богатые имели прочные и теплые дома, много домашнего скота. А бедняки жили в лачугах (зима, к счастью, не была в тех краях долгой и суровой). Хлеба бедняки сеяли мало, а стадо их в лучшем случае состояло из пары лохматых коз. За тысячи лет изменился не только образ жизни людей, населявших долину Большой реки, – изменился их облик и язык.

Скудный запас слов, при помощи которых когда-то объяснялись Люди Воды и Люди Гор, увеличился во много раз. Да это и неудивительно. Вместе охотясь, вместе строя дома, люди должны сообщать друг другу свои мысли, должны называть орудия труда, которыми пользуются.

Труд человека создавал его язык.

* * *

За прошедшие тысячи лет в благодатную долину Оріста (так теперь стали называть Большую реку) много раз приходили с севера, с востока и запада чужие племена.

Одни пришельцы, поселившись бок о бок с прежними хозяевами страны, постепенно сливались, рождались с ними, у них появлялся общий язык, возникали общие обычаи и верования.

Другие племена являлись как завоеватели. Тогда тем, кому удавалось уцелеть в беспощадных битвах, убегали из родного края куда глаза глядят. Иные укрывались в горах, где вели жалкую жизнь троглодитов,¹ пока не вымирали от голода или не сдавались на милость победителей и становились их рабами.

Раб был вещью, принадлежавшей господину, а с вещью можно делать все, что угодно: продать, купить, уничтожить.

У раба не было своего имущества. Топор, которым он рубил дерево, сеть, которой он ловил рыбу, кнут, которым гнал коров на пастбище, – все было собственностью хозяина, как и одежда раба, как и его пища. Все, что создавал раб, поступало в полное владение его господина, и тот выделял рабу лишь самое необходимое для его существования.

Во времена У-Нака и Ра-Ту у Людей Воды рабства не было. Какой смысл захватывать пленника, который едва мог прокормить самого себя и ничем не был полезен хозяину?

Но, когда человек начал производить больше, чем потреблял сам, возникла частная собственность, и общество разделилось на богатых и бедных. Самые сильные и ловкие, самые удачливые члены общины, сумевшие накопить больше имущества, теперь господствовали над бедняками.

И тогда-то появилось рабство. Держать рабов стало выгодно: их работа давала больше, чем стоило их содержание. Победенных в битве уже не истребляли, их забирали в рабство.

Захваченные рабы доставались старейшинам, военачальникам, жрецам. У некоторых народов бедняки попадали в рабство к богатым соплеменникам, если им не удавалось расплатиться за взятое в долг зерно или другие продукты питания.

Рабовладельцы перестали работать: все необходимое для жизни им доставляли рабы.

Так росло неравенство среди людей. Богачи все больше и больше угнетали бедняков.

Ко времени, о котором идет рассказ, из смешения многих племен возникло племя тон-кролов, что означало: главные люди. Тон-кролы именовали себя так гордо потому, что на среднем течении Ориста они были самым многочисленным и сильным племенем.

Тон-кролы уже вступили в бронзовый век: наряду с еще многочисленными каменными орудиями у них появились орудия и оружие из бронзы.

¹ Троглодѣты – название, данное древними греками диким племенам, жившим в пещерах.

Бронза сплавляется из меди и олова и выгодно отличается от металлов, входящих в ее состав. Бронза значительно прочнее меди, но много крепче мягкого олова. Бронзовые топоры были крепки и остры, их употребляли как боевое оружие, ими срубали большие деревья, вытесывали брусья и доски. Делать это каменными топорами было невозможно.

Далеко не везде встречаются рядом медные и оловянные руды. Но тон-кролам повезло. Медные руды они добывали в горах близ Ориста, а оловянная руда доставлялась из рудников, расположенных в горной стране утранов, приблизительно за шестьдесят дней пешеходного пути² от страны тон-кродов. Почти весь путь проходил по Ористу, и это значительно облегчало перевозку руды.

Здесь мы должны вернуться к истории лодки.

Нечаянное изобретение хромого Ра-Ту положило начало постройке дуплянок. Но первые дуплянки и пришедшие им на смену челноки – их получали, выжигая сердцевину дерева, – едва ли можно было называть лодками: ни носа, ни кормы у них не было.

Челноки постепенно совершенствовались: стенки их становились тоньше, передняя и задняя части – острее. Появились нос и корма; лодки лучше дуплянок рассекали воду, ими стало легче управлять.

Вместительность челнока легко увеличить, если прибить к его бортам доски. Но где взять их? Доски ведь не растут в лесу!

Мастера привлекли на помощь огонь. Они обжигали бока толстого ствола, и сожженная древесина легко соскребалась каменными ножами. Слой за слоем снимался со ствола. Люди получали необходимую им доску лишь после многих недель упорной и искусной работы.

Две доски прибавались к бортам челна гвоздями из твердого дерева, щели замазывались смолой, и получалась глубокая, объемистая, устойчивая лодка. И как же гордилось такой лодкой сделавшее ее племя, как берегло ее!

Большую лодку один человек двигать не мог: число гребцов увеличивалось, доходило до десяти и более. Они попарно сидели на скамейках, и каждый управлялся с одним длинным, тяжелым веслом, вставленным в уключину.

У скамеек было и другое назначение: они скрепляли борта лодки, делали ее очень прочной.

Когда в руках человека оказалось такое сравнительно совершенное орудие, как бронзовый топор, изготовление досок стало более легким делом, и люди перешли к постройке дощатых лодок; щели между лодками законопачивали и заливали смолой, чтобы не просачивалась вода. Размеры лодок постепенно увеличивались.

На таких лодках сплавлялась вниз по Ористу на расстояние в рок – сорок пять дней пешеходного пути оловянная руда, которую тон-кролы выменивали в стране утранов.

Долог и опасен был путь. В верхнем течении Ориста встречалось много мелей и перекастов, а за каких-нибудь два-три дня пути до страны тон-кродов Орист прорывался через ущелье, пробитое им в горах. Это было страшное место, и называлось оно Воротами Смерти. Обычно тон-кролы разгружали лодки, не доплывая до ущелья, и мешки с рудой перекладывали на спины выючных животных. И только самые отчаянные владельцы лодок решались доверить свою жизнь и имущество коварным духам ущелья.

Река неслась меж высоких черных утесов, грохоча и пенясь, разбиваясь об острые скалы, загромождившие узкое русло. Огромную выдержку и зоркость надо было иметь рулевому, чтобы невредимо провести лодку мимо всех опасных мест.

² День пешеходного пути у многих древних народов служил мерой дальних расстояний. По теперешнему исчислению он составлял около 20 километров

Малейший промах – и лодка налетала на влажный, изрытый водой край утеса, а через несколько часов на широкую гладь Ориста ниже ущелья выплывали обломки судна и изувеченные трупы людей.

Великой славой и почетом окружал народ кормчих, которым хоть однажды удавалось спуститься со своей лодкой через Ворота Смерти.

Ворота Смерти разделяли Орист на два огромных плеса – верхний и нижний. Лодкам, построенным на верхнем плесе, удавалось иногда прорваться на нижний; но ни одно судно с нижнего плеса никогда не попадало на верхний. Пройти на лодке через Ворота Смерти против течения не могли бы и сами боги – так говорили обитатели берегов Ориста.

Детство Бирка

На высоком мысе, клином вдававшемся в Орист, стояла больша деревня, насчитывавшая до двух сотен отдельных жилищ. Тон-кролы называли ее Бас-Тург, что на их языке и означало: Высокий Мыс.

В Бас-Турге, как и в других селениях тон-кролов, жители разделились на богатых и бедных. Богатые имели обширные поля, где рабы сеяли и убирали хлеб, поступавший в амбары хозяина. У богатых было много скота: коров, коз, овец. Рабы пасли скот, из шерсти и шкур забитого скота выделявали одежду для хозяев, строили им дома, лодки для рыбной ловли...

Самым богатым человеком в Бас-Турге был владелец литейной мастерской Гурм. Дед и отец Гурма скопили немало богатств, а он их еще увеличил. Он уже несколько раз ездил к утронам за оловянной рудой и привозил ее сразу на трех лодках.

Гребли на лодках рабы Гурма. Чтобы по дороге они не убежали, их приковывали к сиденьям бронзовыми цепями. Рабы могли восстать и разбить цепи. Боясь этого, владельцы лодок брали в путешествие двух-трех мужчин из своей родни, вооруженных бронзовыми топорами и кинжалами.

К той поре, о которой идет рассказ, человеческое общество уже перешло от матриархата к патриархату. Главой семьи был теперь старший из мужчин – дед или прадед. Дети, внуки и правнуки беспрекословно подчинялись его распоряжениям. Вот почему богач, отправлявшийся за оловянной рудой, без труда набирал охрану лодки из членов своей семьи.

Бедняков в селениях тон-кролов кормило рыболовство, так как Орист все еще был очень богат рыбой.

Каждая семья бедняка строила себе большую лодку, заводила сети и невода и добывала пропитание тяжелым рыбацким трудом.

Из рыболовов Бас-Турга самым искусным строителем лодок был Урт.

Урт умел так хорошо конопатить и смолить пазы между досками, что сквозь них совсем не пробиралась течь. За свою жизнь Урт сделал немало лодок богатым жителям села: на его лодках плавали и главный жрец Влок, и старейшина Ульм, и литейщик Гурм...

В строительстве лодок Урту помогали его младшие братья, племянники и сын Бирк. Отец старался приучать Бирка к работе с малолетства. Бирку было всего четыре года, когда Урт повел его в первый раз на берег и велел присматриваться, как строятся лодки. Семи лет Бирк уже обтесывал доски бронзовым топориком или вырезывал деревянные изображения богов, которые ставились на носу лодки, чтобы охранять ее в плавании.

Но уже с десятилетнего возраста Бирк стал замечать, что деревянные божки плохо оберегают лодки, вверенные их попечению. В первый раз Бирк задумался над этим, когда отцовская лодка опрокинулась во время бури, и сам он чуть не утонул. Случилось это так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.